

Раздел III. ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 347.231:004.738.5

© В. А. Фудашкин

DOI: 10.24412/2225-8264-

2025-2-986

Ключевые слова: виртуальные активы, объекты гражданских прав, цифровое имущество, обеспеченные цифровые активы, необеспеченные цифровые активы, блокчейн, смарт-контракты, майнинг, эмитент виртуальных активов, цифровой токен

Keywords: virtual assets, objects of civil rights, digital property, secured digital assets, unsecured digital assets, blockchain, smart contracts, mining, virtual asset issuer, digital token

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ВИРТУАЛЬНЫХ АКТИВОВ КАК ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Фудашкин В.А.¹

Аннотация. Научная статья посвящена комплексному анализу правового статуса виртуальных активов как объектов гражданских прав в контексте законодательства Кыргызской Республики. Исследуется нормативное определение виртуального актива, установленное Законом Кыргызской Республики «О виртуальных активах», его соотношение с категориями имущества и нематериальных благ в системе гражданского права. Раскрываются особенности правовой природы обеспеченных и необеспеченных виртуальных активов, а также их квалификация как самостоятельных объектов прав, либо как средств удостоверения имущественных прав. Анализируется специфика правового режима владения, пользования и распоряжения виртуальными активами, включая ограничения их оборотоспособности. Представлен сравнительно-правовой обзор регулирования виртуальных активов в Кыргызской Республике и Российской Федерации. Рассматриваются отдельные аспекты правоприменения и государственного контроля за участниками рынка виртуальных активов на территории Кыргызской Республики. На основе проведенного исследования обоснованы предложения по совершенствованию законодательства, направленные на укрепление правовых основ цифровой экономики и развитие оборота виртуальных активов в рамках правовой системы Кыргызской Республики.

¹Фудашкин Виталий Анатольевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Кыргызско-Российского Славянского Университета (Киргизия, г. Бишкек, проспект Чуй, д. 42, корп. 7)
E-mail: topmanagerkg@mail.ru
ORCID 0009-0002-9022-9476; SPIN-код: 9933-6233, AuthorID: 781818

FEATURES OF THE LEGAL STATUS OF VIRTUAL ASSETS AS OBJECTS OF CIVIL RIGHTS UNDER THE LEGISLATION OF THE KYRGYZ REPUBLIC

Vitaly A. Fudashkin

Candidate of Law, Associate Professor, Kyrgyz-Russian Slavic University

Abstract: This scientific article presents a comprehensive analysis of the legal status of virtual assets as objects of civil rights within the legal framework of the Kyrgyz Republic. It examines the statutory definition of a virtual asset established by the Law of the Kyrgyz Republic “On Virtual Assets,” and its correlation with the categories of property and intangible goods in the civil law system. The article reveals the features of the legal nature of secured and unsecured virtual assets, as well as their classification either as independent objects of rights or as instruments for certifying property rights. It analyzes the specific legal regime of possession, use, and disposal of virtual assets, including restrictions on their turnover. A comparative legal overview is provided regarding the regulation of virtual assets in the Kyrgyz Republic and the Russian Federation. Certain aspects of law enforcement and state oversight of participants in the virtual asset market within the territory of the Kyrgyz Republic are considered. Based on the conducted research, proposals are substantiated to improve the legislation, aimed at strengthening the legal foundations of the digital economy and developing the circulation of virtual assets within the legal system of the Kyrgyz Republic.

Поступила в редакцию:
14.05.2025

ВВЕДЕНИЕ

В условиях стремительного развития цифровых технологий и трансформации экономических отношений, происходящих в глобальном масштабе, значительное внимание научного сообщества привлекает феномен виртуальных активов, представляющих собой новое поколение объектов имущественного оборота.

Их появление обусловлено широким внедрением распределённых реестров, технологии блокчейн, смарт-контрактов и иных форм автоматизированного оборота ценностей в цифровой среде.

Виртуальные активы, будучи по своей природе нематериальными объектами, приобретают самостоятельную экономическую значимость, находят широкое применение в финансовых, инвестиционных и предпринимательских отношениях, выступают средствами удостоверения прав и, в ряде случаев, функционально приближаются к аналогам традиционных активов — ценным бумагам, денежным средствам и имущественным правам.

Однако, в отличие от классических объектов гражданских прав, виртуальные активы обладают рядом принципиальных особенностей, таких как цифровая форма существования, децентрализованный характер оборота, отсутствие в ряде случаев централизованного эмитента и специфический способ установления и подтверждения права собственности, основанный на криптографических алгоритмах.

Совокупность этих факторов порождает объективную необходимость их нормативного осмысления и правовой квалификации в рамках действующего гражданского законодательства Кыргызской Республики.

Вопросы отнесения виртуальных активов к объектам гражданских прав, определения их правовой природы, оборотоспособности, а также установления гарантий прав субъектов, владеющих такими активами, требуют всестороннего правового анализа.

Недостаточная правовая определённость в этой сфере способна повлечь за собой риски нарушения имущественных прав, сложности в правоприменительной практике, а также препятствовать развитию инновационных цифровых инициатив и снижать инвестиционную привлекательность национальной юрисдикции.

Кыргызская Республика, реагируя на указанные вызовы, в 2022 году приняла специальный Закон Кыргызской Республики «О виртуальных активах» [1], положивший начало формированию системного нормативного регулирования отношений, возникающих при создании, выпуске, хранении и обращении цифровых активов.

Данный нормативный правовой акт закрепил ключевые понятия, виды виртуальных активов, принципы их оборота, а также требования к субъектам, осуществляющим деятельность в данной сфере.

Вместе с тем, несмотря на прогрессивность правового подхода, сохраняется ряд нерешённых вопросов, в частности, в области соотношения положений Закона Кыргызской Республики «О виртуальных активах» [1]

с нормами Гражданского кодекса Кыргызской Республики [2], разграничения обеспеченных и необеспеченных активов, признания смарт-контрактов в качестве формы сделки, а также механизмов защиты прав и интересов владельцев виртуальных активов в случае нарушения или утраты контроля над активом.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью комплексного доктринального осмысления правового статуса виртуальных активов в контексте гражданского законодательства Кыргызской Республики, анализа их сущностных признаков как объектов гражданских прав, а также выработки предложений по совершенствованию правового регулирования с учётом международных стандартов, правовых позиций иных государств и современных тенденций развития цифровой экономики.

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Закон Кыргызской Республики «О виртуальных активах» [1] даёт легальное определение виртуального актива. Согласно ст. 4 данного Закона, виртуальный актив — это совокупность данных в электронно-цифровой форме, имеющая стоимость, являющаяся цифровым выражением ценности и/или средством удостоверения имущественных и/или неимущественных прав, которая создается, хранится и обращается с использованием технологии распределённых реестров или аналогичной технологии и не является денежной единицей (валютой), средством платежа и ценной бумагой.

Из данного определения следует несколько ключевых признаков виртуального актива: во-первых, он существует в электронной (цифровой) форме в распределённом реестре (блокчейне или аналогичной децентрализованной системе); во-вторых, обладает экономической ценностью (стоимостью) и может выступать носителем (эквивалентом) определённой ценности; в-третьих, может служить средством удостоверения прав — имущественных или даже личных неимущественных; в-четвертых, законодательно исключено отнесение виртуальных активов к официальным денежным единицам, законным средствам платежа и эмиссионным ценным бумагам.

Последний аспект является особо важным, так как отечественный законодатель прямо указывает, что виртуальные активы не являются валютой, платежным средством или ценной бумагой. Тем самым, в правовом поле Кыргызской Республики виртуальные активы рассматриваются как самостоятельная категория объектов, отличная в своем правовом статусе от денег и традиционных финансовых инструментов.

В системе объектов гражданского права виртуальные активы можно отнести к имущественным благам, имеющим цифровую природу. Гражданский кодекс Кыргызской Республики [2] не содержит прямого упоминания виртуальных активов (поскольку его основные положения были приняты задолго до появления данного феномена), однако нормы Гражданского кодекса Кыргызской Республики [2] позволяют отнести виртуальные активы к охватываемым им объектам гражданских прав.

Согласно статье 22 Гражданского кодекса Кыргызской Республики [2], объектами гражданских прав признаются вещи (включая деньги и ценные бумаги), иное имущество, имущественные права, результаты работ и услуг, информация, результаты интеллектуальной деятельности и другие материальные и нематериальные блага. Виртуальный актив, будучи нематериальным по своей сути, подпадает под категорию «иное имущество» либо «нематериальное благо», имеющее экономическую ценность. Он не является физической вещью, но представляет собой цифровое имущество, закрепленное в распределенном реестре.

Таким образом, правовая конструкция виртуального актива близка к конструкции имущественного права, которое может принадлежать субъектам гражданского оборота и выступать объектом сделок. В этом смысле, виртуальные активы становятся новым объектом гражданских прав, расширяющим классических перечень объектов (наряду с вещами, денежными средствами, документарными ценными бумагами и пр.).

Важно подчеркнуть, что ст. 5 Закона Кыргызской Республики «О виртуальных активах» [1] устанавливает двойственную природу виртуального актива. Он может выступать либо как самостоятельный объект гражданского права, либо как средство удостоверения определенных прав. Иначе говоря, в зависимости от характера конкретного актива, он либо сам по себе является самостоятельным имущественным благом (например, криптовалюта, не обеспеченная никакими внешними активами, существующая автономно в блокчейне), либо же представляет собой цифровой токен, удостоверяющий права требования на другие объекты или права участия. Второй вариант характерен для так называемых токенизированных прав, когда через выпуск токена закрепляется определенное право (на имущество, услугу, результат деятельности и т.д.). В таких случаях виртуальный актив — это, по сути, цифровой сертификат, связанный с иными объектами гражданских прав.

Таким образом, отечественный законодатель учел специфику современных токенов, которые могут быть либо непосредственно цифровым имуществом, либо цифровым аналогом правоустанавливающего документа на другое имущество.

Отнесение виртуальных активов к объектам гражданских прав означает, что на них распространяются базовые положения гражданского законодательства Кыргызской Республики об имуществе. Например, на виртуальные активы могут возникать право собственности и другие вещные права, сделки с ними совершаются по общим правилам договорного права (конечно же, с учетом определенной специфики), они могут наследоваться, выступать предметом обязательств, входить в состав имущества юридических лиц и т.д. Однако, ввиду особой природы виртуальных активов государство установило и специальные нормы, регулирующие их оборотоспособность и правовой режим.

С точки зрения юридической природы виртуальных активов, дискуссионным является вопрос: считать ли виртуальный актив «вещью» в юридическом смысле или особым объектом, отличным от вещей? Классиче-

ское гражданское право привязано к физической субстанции объекта — вещи материального мира, виртуальный же актив нематериален и существует лишь в виде записей в распределенном реестре. Тем не менее, многие правовые порядки в мире постепенно признают криптоактивы видом имущества, пусть и нематериального.

Закон Кыргызской Республики «О виртуальных активах» [1] фактически наделяет виртуальный актив качествами имущественного блага, включенного в гражданский оборот. Ст. 5 данного Закона так и называется — «Правовой статус виртуальных активов», и в ней закреплено, что виртуальный актив может выступать самостоятельным объектом гражданских прав.

Кроме того, тот же Закон уточняет, что виртуальные активы не являются законным платежным средством, валютой или ценной бумагой, тем самым исключая их из числа денег или эмиссионных ценных бумаг. Это означает, что виртуальные активы — сингулярная категория имущества, которая не подпадает под режим, установленный для денежных средств или для ценных бумаг.

Таким образом, с точки зрения гражданского права, виртуальный актив следует рассматривать как особое нематериальное имущество, обладающее стоимостью и обращающееся в гражданском обороте. По аналогии можно вспомнить, что в гражданском праве давно известны объекты, не имеющие материально-вещественной природы, но признаваемые имущественными ценностями (например, бездокументарные ценные бумаги, безналичные денежные средства, исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности). Виртуальный актив отчасти схож с ними, однако имеет свою технологическую специфику (децентрализованная система учета, криптографическая защита, программируемость и т.п.). Теоретически его можно определить, как объект права собственности (либо иного вещного права). Вместе с тем, учитывая цифровую природу, применительно к некоторым видам токенов, возможно использование конструкции «цифрового свидетельства о праве». В таких случаях, право лица на токен неотделимо от права, которое токен удостоверяет (например, право требования к эмитенту). В целом же, по законодательству Кыргызской Республики, виртуальные активы включаются в понятие имущества, а значит на них распространяется презумпция оборотоспособности, если иное не предусмотрено законом.

Специфика виртуальных активов как объекта гражданского права проявляется в их нематериальности, технологической обусловленности и децентрализованности. Они существуют не в традиционном реестре имущества (как, например, права на недвижимое имущество или ценные бумаги, которые учитываются государственными реестрами), а в распределенном реестре (блокчейне), который поддерживается множеством узлов сети.

Владение виртуальным активом означает контроль над соответствующим криптографическим ключом (например, ключом кошелька). Это порождает и особый подход к доказательствам о наличии соответствующего права, который сводится к тому, что фактиче-

ский обладатель ключа считается обладателем актива, если не доказано иное.

Закон Кыргызской Республики «О виртуальных активах» [1] вводит в оборот такое понятие как «кошелек виртуального актива» под которым понимается специальное средство (программа или иной носитель) для хранения и передачи виртуального актива. Тем самым, признается техническая сторона осуществления правомочий владельца (запись в блокчейне плюс владение соответствующим кошельком равны юридическому владению активом).

Еще одна особенность правовой природы виртуального актива — специальный порядок правовой регламентации отношений, связанных с ним, со стороны государства. Закон Кыргызской Республики «О виртуальных активах» [1] выделяет отдельные области, требующие государственного контроля: деятельность по выпуску (эмиссии) виртуальных активов, деятельность по их обмену и торговле, а также майнинг. В этих целях указанным Законом учрежден уполномоченный государственный орган в сфере виртуальных активов. На сегодняшний день таковым государственным органом является Служба регулирования и надзора за финансовым рынком при Министерстве экономики и коммерции Кыргызской Республики. Данный государственный орган осуществляет лицензирование и надзор за субъектами, работающими с виртуальными активами. Этот аспект отличает виртуальные активы от большинства иных объектов гражданских прав в силу того, что для операций с ними введено дополнительное регулирование, подобно тому, как финансовые рынки регулируются отдельно от обычного оборота вещей.

Закон Кыргызской Республики «О виртуальных активах» [1] закрепляет классификацию виртуальных активов на обеспеченные и не обеспеченные. Данный критерий относится к наличию, либо отсутствию подкрепления (обеспечения) виртуального актива другими имущественными правами или активами.

Обеспеченные виртуальные активы — это, цифровые токены, которые служат средством удостоверения имущественных и (или) неимущественных прав, в том числе права требования на другие объекты гражданских прав, предоставляемого эмитентом такого актива.

Иными словами, обеспеченный виртуальный актив представляет собой токен, за которым стоит определенное обязательственное право или ценность, гарантируемая определенным лицом (эмитентом) или обеспеченная определенным имуществом. Закон указывает, что к обеспеченным виртуальным активам относятся именно цифровые токены, удостоверяющие права, а также «иные виртуальные активы, обеспеченные другими объектами гражданских прав». Примерами обеспеченных виртуальных активов могут быть стейблкоины, обеспеченные резервом фиатной валюты или товара (золота или иного актива), токен, подтверждающий долю участия в уставном капитале и т.п. При этом, законодательство Кыргызской Республики определяет, что виды обеспеченных виртуальных активов и перечень прав, ими удостоверяемых, устанавливаются самим эмитентом.

Закон Кыргызской Республики «О виртуальных ак-

тивах» [1] содержит важную оговорку о том, что обеспечение виртуального актива не является залогом и не влечет применения правил о залоге. Это означает, что, хотя актив и «обеспечен» имуществом или обязательством эмитента, юридически такая связь не рассматривается как классический залог, то есть у держателя токена нет залогового права на объект обеспечения, а есть лишь обязательственное право, удостоверенное токеном. Данное решение законодателя предотвращает коллизии между режимом токена и институтом залога (который требует в соответствии с Законом Кыргызской Республики «О залоге» [3] регистрации, применения установленного порядка обращения взыскания и пр., не приспособленных к децентрализованным токенам).

Необеспеченные виртуальные активы — это виртуальные активы, не подкрепленные какими-либо обязательствами или иными правами со стороны какого-либо лица. Иначе говоря, по таким активам отсутствует эмитент, несущий обязательства перед их обладателями. Типичный пример — ничем не обеспеченные криптовалюты вроде биткойна (Bitcoin), эфира (Ethereum) и т.п. Каждый владелец биткойна не имеет абсолютно никакого требования к определенному лицу, так как ценность монеты обусловлена только спросом и предложением на рынке, а ее существование — функционированием блокчейн-сети.

Закон Кыргызской Республики «О виртуальных активах» [1] устанавливает, что необеспеченные виртуальные активы не удостоверяют права и не обеспечены какими-либо правами или объектами. Фактически, это — самостоятельные цифровые «вещи». Под данную категорию подпадает большинство децентрализованных криптовалют, а также, например, токены, выпускаемые без обязательства выкупа или иного обеспечения (utility-токены, которые дают право на услугу или доступ к платформе, но не обеспечены имуществом эмитента).

Кроме деления на обеспеченные и необеспеченные, Закон Кыргызской Республики «О виртуальных активах» [1] приводит дефиниции иных видов виртуальных активов. В частности, указаны:

— цифровой токен — вид виртуального актива, являющийся средством удостоверения имущественных и (или) неимущественных прав, в том числе прав требования на другие объекты гражданских прав. По сути, это общее понятие для токенизированных прав, о которых шла речь выше;

— стейблкоин — вид виртуального актива, целью которого является поддержание стабильной стоимости по отношению к определенному активу или корзине активов. Обычно стейблкоины обеспечены резервами фиатных валют (например, USD Tether, который имеет привязку к доллару) или другими ценностями, либо алгоритмически поддерживают курс.

Законодательство Кыргызской Республики не уточняет механизм, но фокусируется на цели — стабильность курса. Вероятно, стейблкоины юридически будут подпадать под категорию обеспеченных виртуальных активов (поскольку обычно для их поддержания имеется обеспечение резервами).

Помимо названных разновидностей виртуальных активов, Закон Кыргызской Республики «О виртуальных активах» [1] содержит определения смарт-контрактов, майнинга, майнинг-пула и других технических терминов, связанных с ними. Все это указывает на то, что правовая регламентация построена достаточно комплексно, учитывая технологические аспекты.

Виртуальные активы, будучи отнесены к объектам гражданских прав, по общему правилу могут свободно отчуждаться и переходить от одного лица к другому, если иное не предусмотрено законодательством, как установлено ст. 23 Гражданского кодекса Кыргызской Республики [2]. В отношении виртуальных активов Закон устанавливает некоторые ограничения оборотоспособности в зависимости от их вида и статуса обеспечения.

Во-первых, как было указано выше, виртуальные активы не являются законным средством платежа на территории Кыргызской Республики. Хотя законодательство не содержит прямого запрета на использование криптовалют в качестве средства расчета между частными лицами, данный статус означает, что такие расчеты не признаются платежами в официальном смысле этого слова. По аналогии с правовой позицией в Российской Федерации, где цифровая валюта не может использоваться или рекламироваться в качестве средства платежа, в Кыргызстане виртуальные активы также отграничены от денег. Таким образом, обязательство, выраженное, например, в биткойнах, не будет считаться денежным обязательством, а кредитор, получивший токены, не обладает правами, которые он имел бы при денежном долге. Тем не менее, прямого запрета продавать товары за криптовалюту в законодательстве Кыргызской Республики не установлено. Можно определить, что данный вопрос остается в «серой зоне», так как такой договор мены (бартер) возможен, но его исполнение и защита прав сторон могут осложняться, учитывая нестандартный характер встречного предоставления. Более того, валютное законодательство и акты Национального банка Кыргызской Республики могут по сути содержать ограничения на использование иностранных валют и их «суррогатов», однако в сфере криптоактивов Кыргызская Республика сделала выбор в пользу отдельного регулирования виртуальных активов посредством принятия специального закона.

Во-вторых, Закон Кыргызской Республики «О виртуальных активах» [1] предусматривает полный запрет на отчуждение обеспеченного виртуального актива, если объект обеспечения изъят из гражданского оборота или находится под арестом. В ч. 3 ст. 6 данного Закона указано, что в случае обеспечения виртуального актива объектом гражданских прав, который находится под арестом или изъят из гражданского оборота, отчуждение такого виртуального актива не допускается и любое заключенное соглашение об отчуждении такого виртуального актива является ничтожным. Данная норма имеет важное практическое значение. Например, если выпущен токен, который обеспечен объектом недвижимости, и на этот объект судом наложен арест, то продажа токена будет признана ничтожной сдел-

кой. Аналогично, если токен обеспечен каким-либо объектом, не допускаемым в свободный оборот (скажем, определенным веществом или товаром, оборот которых ограничен), то и токен не может отчуждаться. Таким образом, правовой режим обеспеченного токена полностью «наследует» правовой режим объекта его обеспечения и не получится обойти запрет на оборот вещи путем токенизации, так как закон закрывает такую лазейку. Более того, в целом оборот обеспеченных виртуальных активов подпадает под все ограничения, применимые к обороту соответствующих объектов гражданских прав. Это является принципиальным моментом, так как юридически обеспеченный токен рассматривается не просто как «цифровая расписка», но и как производный объект, повторяющий юридическую судьбу базового актива в плане его оборотоспособности. В свою очередь, необеспеченные виртуальные активы (например, криптовалюты) не имеют подобных привязок и их оборот может ограничиваться лишь общими нормами законодательства Кыргызской Республики (например, положениями Закона КР «О лицензионно-разрешительной системе в Кыргызской Республике» [4], Закона КР «О противодействии финансированию преступной деятельности и легализации (отмыванию) преступных доходов» [5] и др.). Сам Закон Кыргызской Республики «О виртуальных активах» прямо не запрещает оборот необеспеченных криптоактивов между частными лицами, но устанавливает требования к профессиональным участникам рынка.

В-третьих, для обеспечения законности оборота виртуальных активов на территории Кыргызской Республики введена система лицензирования и контроля за участниками рынка.

В целях правового регулирования общественных отношений, возникающих в процессе оборота виртуальных активов, Постановлением Кабинета Министров Кыргызской Республики «О вопросах регулирования отношений, возникающих при обороте виртуальных активов» [6] были внесены изменения в Положение «О Службе регулирования и надзора за финансовым рынком при Министерстве экономики и коммерции Кыргызской Республики» [7]. Указанным нормативным правовым актом за данной Службой были закреплены полномочия в сфере государственного регулирования, надзора и контроля за деятельностью участников рынка виртуальных активов. Кроме того, указанным Постановлением [7] был утверждён комплекс нормативных правовых актов, направленных на формирование правового режима лицензирования и функционирования субъектов, осуществляющих деятельность, связанную с виртуальными активами.

В развитие обозначенных положений, постановлением Правления Национального банка Кыргызской Республики от 3 февраля 2023 года был утверждён специальный Порядок предоставления услуг, связанных с виртуальными активами [8]. Данный подзаконный нормативный правовой акт установил требования к процедуре получения предварительного согласия Национального банка Кыргызской Республики коммерческими банками для последующего лицензирования в

рассматриваемой сфере. Также в Порядке [8] закреплены правовые механизмы регулирования деятельности банков при оказании ими услуг, сопряжённых с оборотом виртуальных активов, включая требования к внутреннему контролю, соблюдению мер по противодействию легализации доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма, а также иные меры, направленные на обеспечение устойчивости финансового сектора.

Таким образом, Закон Кыргызской Республики «О виртуальных активах» [1] требует, чтобы поставщики услуг, связанных с виртуальными активами получали лицензию. К таким поставщикам услуг относятся, в частности: операторы торгов виртуальных активов (криптовиржи) — организаторы торговой платформы для купли-продажи токенов, операторы обмена виртуальных активов — обменники, выполняющие обмен одной виртуальной валюты на другую или на фиат, поставщики кастодиальных услуг (хранения), иные посредники, оказывающие услуги, способствующие обороту виртуальных активов. Все эти виды деятельности в соответствии со ст. 29 Закона Кыргызской Республики «О виртуальных активах» [1] подлежат лицензированию. Лицензия выдаётся на неограниченный срок при соблюдении лицензионных требований.

Основные требования включают наличие зарегистрированного юридического лица на территории Кыргызской Республики, выполнение требований по технической безопасности, внутреннему контролю, проверке клиентов, размещение серверов в Кыргызстане и др. Данные требования призваны обеспечить прозрачность и подконтрольность данного рынка государству, а также защиту прав потребителей услуг. Без лицензии деятельность по предоставлению услуг с виртуальными активами является незаконной.

Кроме того, деятельность по майнингу (добыче криптовалют) также поставлена под учет — выдается специальный сертификат на осуществление майнинга. Майнинг на территории Кыргызской Республики рассматривается как лицензируемая (точнее, сертифицируемая) предпринимательская деятельность. При этом, майнер — обязанное лицо по ряду требований со стороны законодательства (регистрация, уплата платы за потребляемую электроэнергию по специальному тарифу, предоставление информации надзорным органам и т.д.).

Само владение виртуальным активом частным лицом (не для предоставления услуг третьим лицам) не требует какой-либо регистрации или разрешения. Граждане и компании могут приобретать, хранить на своих кошельках, продавать друг другу виртуальные активы. Однако, когда дело касается публичного привлечения средств или услуг по обмену, вступают в действие регуляторные требования. Так, эмиссия и публичное размещение виртуальных активов (аналог первичного предложения токенов) подлежат государственной регистрации в уполномоченном органе. Закон Кыргызской Республики «О виртуальных активах» [1] содержит главу (гл. 5) об эмиссии и публичном размещении виртуальных активов, где определен порядок регистрации эмиссии и раскрытия информа-

ции. В случае нарушения требований, регулятор может приостановить или признать ее несостоявшейся. Данные нормы во многом перекликаются с требованиями, предъявляемыми к эмиссии ценных бумаг и закрепленными в Законе КР «О рынке ценных бумаг» [9] (проспект эмиссии, регистрация и др.), адаптированными к токенам.

Важное ограничение оборота виртуальных активов — требования противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма. Виртуальные активы, ввиду своей анонимности и глобального характера, несут риск их использования в противоправных целях. Кыргызское законодательство (положения Закона КР «О противодействии финансированию преступной деятельности и легализации (отмыванию) преступных доходов» [5], Уголовного кодекса Кыргызской Республики [10] и др.) теперь распространяется и на операции с виртуальными активами. Так, поставщики услуг виртуальных активов обязаны идентифицировать клиентов, сообщать о подозрительных операциях в Государственную службу финансовой разведки при Министерстве финансов Кыргызской Республики и соблюдать иные процедуры. Уже сейчас на практике отмечается угроза использования виртуальных активов для отмывания денег и финансирования терроризма, а регуляторы планируют на территории Кыргызской Республики ужесточить меры для предотвращения таких рисков. В частности, обсуждается запрет для лицензированных криптокомпаний работать с анонимными криптовалютами или анонимными кошельками, ограничения на деятельность иностранных нелецензированных бирж и обменников в Кыргызстане, усиление проверки бенефициаров компаний. Эти меры направлены на обеспечение прозрачности рынка виртуальных активов и препятствование его использованию в криминальных целях.

В Российской Федерации правовое регулирование данной сферы развивается с 2020 года, но терминология несколько иная. В России 31 июля 2020 года был принят Федеральный закон «О цифровых финансовых активах и цифровой валюте» [11]. Он разделяет «цифровые финансовые активы» (ЦФА) — аналоги токенов, удостоверяющих договорные обязательства, выпускаемые по правилам, близким к эмиссии ценных бумаг, и «цифровую валюту» — по сути, децентрализованные криптовалюты (биткойн и др.), не имеющие обеспеченного лица-эмитента. По российскому законодательству, цифровая валюта не признается средством платежа на территории Российской Федерации, в связи с чем запрещено принимать криптовалюту в оплату товаров и услуг, а реклама о приеме криптовалюты как оплаты является незаконной. Таким образом, Российская Федерация пошла по пути прямого запрета использования криптовалют как «денежного суррогата», хотя владение ими физическими лицами не запрещено. Цифровые финансовые активы же могут выпускаться зарегистрированными в реестре Центрального Банка Российской Федерации операторами (обычно это банки или специализированные организации), а их обращение возможно только через таких операторов. Это фактически означает создание закрытой системы для

токенизированных прав — в отличие от открытого децентрализованного обращения криптовалют.

Тем не менее, цифровая валюта в России признана имуществом. Граждане могут ее приобретать, продавать (формально — вне российской инфраструктуры), наследовать, декларировать для налоговых органов. Интересно, что для целей уголовного и исполнительного права, российские суды также признают криптовалюту имуществом (есть случаи взыскания криптовалюты в пользу кредиторов, конфискации и т.д.). В целом, российский подход характеризуется жестким ограничением использования криптоактивов вне контролируемых государством площадок. Подход Кыргызской Республики в этом плане более либерален, так как законодательство не запрещает использование децентрализованных криптовалют и даже разрешает деятельность частных обменников и бирж (при условии получения лицензии). Тем не менее, обе страны сходятся в том, что криптовалюта — не является законным платежным средством и классической валютой.

Как и любое имущество, виртуальные активы могут принадлежать на праве собственности гражданам и юридическим лицам. Право собственности на виртуальный актив включает традиционные правомочия: владение (то есть удержание под своим контролем — в цифровом смысле, контроль над ключами доступа), пользование (возможность извлекать полезные свойства — например, применять токен для получения услуг, либо просто хранить в ожидании роста его стоимости) и распоряжение (возможность совершать сделки по его продаже, обмену, дарению, завещанию и т.д.). Законодательство Кыргызской Республики напрямую не расписывает эти правомочия применительно к виртуальным активам — они следуют из общей теории права собственности и применяются по аналогии. Однако специфика проявляется в том, что осуществление фактического контроля и передача актива реализуются технически через сеть блокчейн. Юридически факт передачи виртуального актива (например, перевода токенов с одного кошелька на другой) следует рассматривать как исполнение сделки отчуждения.

Выводы

Несмотря на наличие в Кыргызской Республике базового закона, определяющего правовой статус виртуальных активов, можно отметить ряд пробелов в их регулировании. Во-первых, требуется более четкое сопряжение норм Закона Кыргызской Республики «О виртуальных активах» [1] с Гражданским кодексом Кыргызской Республики [2] и другими нормативными правовыми актами (банковским законодательством, законодательством о платёжных системах и т.д.), чтобы избежать коллизий. Например, статус смарт-контрактов. Закон их определяет, как таковые, но Гражданский кодекс Кыргызской Республики не знает такой формы сделки. В этом случае, необходимо методологически признать смарт-контракт способом заключения сделок в электронном виде.

Во-вторых, необходимо развитие подзаконной базы: подробные требования к лицензируемым субъектам, порядку регистрации эмиссий токенов, защите прав инвесторов и т.д.

В-третьих, проблемой является низкая инвестиционная привлекательность виртуальных активов, эмитированных в Кыргызской Республике, которая связана с тем, что инвесторы больше доверяют зарубежным проектам, а также с ограничением на выпуск токенов в иностранной валюте. Для стимулирования отечественного рынка виртуальных активов, возможно, потребуются смягчение некоторых ограничений или государственная поддержка блокчейн-проектов.

Наконец, серьезный вопрос — это повышение финансовой грамотности и осведомленности населения Кыргызстана. Без понимания рисков, люди могут страдать от мошенничества. Поэтому параллельно с регулированием оборота виртуальных активов государство и профессиональное сообщество должны заниматься просветительской работой. В этой области

Резюмируя вышесказанное, мы можем определить, что правовой статус виртуальных активов в законодательстве Кыргызской Республики регламентирован достаточно прогрессивно и детально для довольно молодой сферы. Виртуальные активы признаны самостоятельным объектом гражданских прав, что создает правовую определенность в отношении данной категории объектов. Закон Кыргызской Республики «О виртуальных активах» [1] установил ключевые положения о виртуальных активах, дифференцировал виды активов (обеспеченные и необеспеченные, токены, стейблкоины и др.) и заложил основы их оборота, включая механизмы государственного контроля.

Специфика правового статуса данной категории активов проявляется в сочетании частноправовых начал (признание цифрового имущества объектом права собственности, допустимость сделок в отношении них и т.д.) с публично-правовыми элементами (лицензирование, надзор, законодательные запреты, направленные на защиту экономического порядка).

Можно констатировать, что Кыргызстан создал один из первых в Центральной Азии всеобъемлющих правовых режимов для криптоактивов, гармонично встроив его в гражданско-правовую систему через понятие объекта гражданских прав и специальных норм об ограничениях оборота.

Подход Кыргызской Республики в этом отношении соответствует мировой практике, которая сводится к тому, что виртуальные активы не признаются платежным средством, но рассматриваются как имущество; вводится обязательный контроль за посредниками; особое внимание уделяется обеспеченным токенам и стейблкоинам.

Кыргызстану, вероятно, предстоит в будущем актуализировать свое законодательство с учетом развития технологии и появления новых видов токенов (например, NFT — невзаимозаменяемых токенов, которые прямо не упомянуты, но по сути являются виртуальными активами, удостоверяющими права на уникальные объекты). Также возможно возникнет вопрос о взаимном признании регулирования с другими странами — например, допуск иностранных лицензированных бирж на рынок или участие Кыргызстана в разработке международных правил обращения криптоактивов.

В заключение подчеркнем, что правовой статус

виртуальных активов в КР — это динамичная категория. Закон Кыргызской Республики «О виртуальных активах» [1] уже был несколько раз обновлен в 2022-2023 годах, и очевидно, будет дополняться и далее. Практика применения выявит с течением времени проблемные аспекты, которые потребуют реакций со стороны отечественного законодателя и соответствующих регуляторов. Тем не менее, на данный момент можно утверждать, что в Кыргызской Республике сформированы основы для обращения вирту-

альных активов и признания их частью имущественных отношений.

Виртуальные активы из разряда пробела в правовом регулировании перешли в разряд полноправных объектов гражданского права со своими особенностями, с охраной и защитой со стороны законодательства. Такой подход создает условия для развития цифровой экономики и блокчейн-индустрии в стране при одновременном обеспечении законных интересов всех участников гражданского оборота.

Список источников

1. Закон Кыргызской Республики «О виртуальных активах» от 21 января 2022 года № 12 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112346/edition/1220896/ru> (дата обращения: 21.04.2025).
2. Гражданский кодекс Кыргызской Республики от 8 мая 1996 года № 15 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/3-1/edition/1263361/ru> (дата обращения: 21.04.2025).
3. Закон Кыргызской Республики «О залоге» от 12 марта 2005 года № 49 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/4-1575/edition/1266972/ru> (дата обращения: 23.04.2025).
4. Закон Кыргызской Республики «О лицензионно-разрешительной системе в Кыргызской Республике» от 19 октября 2013 года № 195 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/205058/edition/5583/ru> (дата обращения: 26.04.2025).
5. Закон Кыргызской Республики «О противодействии финансированию преступной деятельности и легализации (отмыванию) преступных доходов» от 6 августа 2018 года № 87 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/111822/edition/25971/ru> (дата обращения: 27.04.2025).
6. Постановление Кабинета Министров Кыргызской Республики «О вопросах регулирования отношений, возникающих при обороте виртуальных активов» от 16 сентября 2022 года № 514 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/7-26567/edition/7848/ru> (дата обращения: 11.05.2025).
7. Положение «О Службе регулирования и надзора за финансовым рынком при Министерстве экономики и коммерции Кыргызской Республики» (Утверждено постановлением Кабинета Министров Кыргызской Республики от 10 декабря 2021 года № 300) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/158758/edition/2695/ru> (дата обращения: 11.05.2025).
8. Порядок предоставления услуг, связанных с виртуальными активами (Утвержден Постановлением Правления Национального банка Кыргызской Республики от 3 февраля 2023 года № 2023-П-14/8-2-(НПА) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Национального банка Кыргызской Республики. URL: <https://www.nbkr.kg/contentout.jsp?item=2145&lang=RUS&material=112685> (дата обращения: 12.05.2025).
9. Закон Кыргызской Республики «О рынке ценных бумаг» от 24 июля 2009 года № 251 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/202677/edition/1223436/ru> (дата обращения: 13.05.2025).
10. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 127 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/3-38/edition/2087/ru> (дата обращения: 14.05.2025).
11. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ [Электронный ресурс] // Информационная правовая система Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 10.05.2025).

References

1. Law of the Kyrgyz Republic “On Virtual Assets” dated January 21, 2022, No. 12 [Electronic resource] // Official website of the Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112346/edition/1220896/ru>.
2. Civil Code of the Kyrgyz Republic dated May 8, 1996, No. 15 [Electronic resource] // Official website of the Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/3-1/edition/1263361/ru>.
3. Law of the Kyrgyz Republic “On Pledge” dated March 12, 2005, No. 49 [Electronic resource] // Official website of the Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/4-1575/edition/1266972/ru>.
4. Law of the Kyrgyz Republic “On the Licensing and Permitting System in the Kyrgyz Republic” dated October 19,

2013, No. 195 [Electronic resource] // Official website of the Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/205058/edition/5583/ru>.

5. Law of the Kyrgyz Republic “On Countering the Financing of Criminal Activity and Legalization (Laundering) of Criminal Proceeds” dated August 6, 2018, No. 87 [Electronic resource] // Official website of the Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/111822/edition/25971/ru>.

6. Resolution of the Cabinet of Ministers of the Kyrgyz Republic “On the Regulation of Relations Arising in the Circulation of Virtual Assets” dated September 16, 2022, No. 514 [Electronic resource] // Official website of the Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/7-26567/edition/7848/ru>.

7. Regulation “On the Service for Regulation and Supervision of the Financial Market under the Ministry of Economy and Commerce of the Kyrgyz Republic” (Approved by Resolution of the Cabinet of Ministers of the Kyrgyz Republic dated December 10, 2021, No. 300) [Electronic resource] // Official website of the Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/158758/edition/2695/ru>.

8. Procedure for the Provision of Services Related to Virtual Assets (Approved by Resolution of the Board of the National Bank of the Kyrgyz Republic dated February 3, 2023, No. 2023-П-14/8-2-(NPA)) [Electronic resource] // Official website of the National Bank of the Kyrgyz Republic. URL: <https://www.nbkr.kg/contout.jsp?item=2145&lang=RUS&material=112685>.

9. Law of the Kyrgyz Republic “On the Securities Market” dated July 24, 2009, No. 251 [Electronic resource] // Official website of the Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/202677/edition/1223436/ru>.

10. Criminal Code of the Kyrgyz Republic dated October 28, 2021, No. 127 [Electronic resource] // Official website of the Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/3-38/edition/2087/ru>.

11. Federal Law of the Russian Federation “On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” dated July 31, 2020, No. 259-FZ [Electronic resource] // Consultant Plus Legal Information System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/.